

А. П. КАЖДАН

НИКИФОР ХРИСОВЕРГ И НИКОЛАЙ МЕСАРИТ

ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Два малоизвестных византийских автора, живших на рубеже XII—XIII вв., Никифор Хрисоверг и Николай Месарит, оставили описание одного и того же события — мятежа Иоанна Комнина Толстого в 1201 г. Оба они были современниками мятежа, оба могли его непосредственно наблюдать, и тем не менее описания Хрисоверга и Месарита коренным образом отличаются друг от друга. Отличаются они не оценкой бунта и личности неудачливого узурпатора — оба писали после поражения Иоанна и оба прославляли победителя, легитимного государя Алексея III Ангела (1195—1203). Различие обнаруживается в иной плоскости — в методе, в манере повествования, в эстетических принципах.

Подобное различие подводит исследователя к существенной проблеме, на которую, как мне представляется, пока еще мы не обращали должного внимания — к проблеме многообразия византийской литературы и, если ставить вопрос шире, многообразия византийского мировосприятия. Возможность различного решения одной задачи под пером двух современников и очевидцев предполагает наличие разных литературных группировок в Византии, наличие — по крайней мере скрытой — литературной полемики. Утвердившееся суждение об удивительной унифицированности византийского образа мысли, искусственная модель византизма — единообразного и неподвижного способа мышления подданных Константинопольской империи — ставится тем самым под сомнение.

Но констатировать подобное разноречие — это лишь одна сторона задачи. Сколь она ни важна, проблема ею не исчерпывается. Напротив, сама эта констатация заставляет сделать следующий шаг и задаться вопросом о причинных связях. Действительно, коль скоро Хрисоверг и Месарит могли по-разному подойти к описанию одного и того же события, не следует ли задуматься о причинах этого различия? Повторяю, речь идет не о различии политических симпатий, что могло бы быть объяснено принадлежностью к разным «этериям», к разным кликам господствующего класса, а о различии, гораздо менее непосредственном и гораздо более глубоком, — различии видения мира. Восхвалять или поносить Андроника Комнина было делом свободного выбора, который мог явиться результатом искренних политических симпатий или формой политической мимикрии; один и тот же писатель мог сегодня восхвалять Андроника, а завтра издеваться над низвергнутым тираном. Метод отображения действительности гораздо меньше поддается произвольным

преобразованиям, он обусловлен (в средние века это было ощутимее, чем ныне) устойчивыми коллективными представлениями, особенностями общественной психологии; сдвиги в этой сфере, скорее всего, выдают общественные сдвиги — а если так, различие Хрисоверга и Месарита социально обусловлено.

Наша задача осложняется. Поиск каузальности делает решение проблемы поневоле гипотетичным, ибо каузальные связи по самой их природе не даются источником в прямом виде. Факт различия Хрисоверга и Месарита мы можем воспринять непосредственно, причину этого различия — только конструировать с известной долей приближения. Чтобы это сделать, мы должны представить себе прежде всего, кем они были — эти два византийских писателя.

I

Наследие Никифора Хрисоверга издано далеко не полностью. Помимо прогимнасм — риторических упражнений¹ и ямбических стихотворений², изданы лишь три его речи, обращенные к Алексею III и Алексею IV Ангелам³; они существенны для изучения как политической борьбы в Византии накануне IV Крестового похода, так и отношения империи с южными славянами⁴. В двух известных сборниках — Эскуриальском манускрипте Y-II-10 (далее Э) и Венской филологической рукописи 321 (далее В) — содержатся еще три речи Хрисоверга и одно его письмо⁵. Микрофильмы этих рукописей были приобретены Государственной библиотекой им. В. И. Ленина через «Институт истории и разыскания текстов», и я пользуюсь случаем, чтобы еще раз поблагодарить и Институт, и особенно проф. М. Ришара за присылку микрофильмов.

Год рождения Хрисоверга неизвестен. В похвальном слове патриарху Никите Мундану (1186—1189) он противопоставлял тех, кто давно уже находится «в этой церковной и божественной ограде» и потому помнит о прежних деяниях Мундана, себе — узнавшему о них от очевидцев (Э, л. 24, стк. 6—8). Энкомий Мундану был написан, по-видимому, сразу же после избрания его патриархом в 1186 г. — именно поэтому описание избрания занимает в речи центральное место⁶. Следовательно, в 1186 г. Хрисоверг был еще сравнительно молод или во всяком случае недолго находился на патриаршей службе. Поэтому отождествление нашего писателя с патриаршим нотариусом Никифором Хрисовергом, поставившим свою подпись под синодальным решением 1172 г.⁷, остается проблематичным.

¹ F. Widmann. Die Progymnasmata des Nikephoros Chrysoberges. — BNJb, 12, 1935—1936.

² S. G. Mercati. Poesie giambiche di Niceforo Chrysoberges, Metropolita di Sardi. — «Fontes Ambrosiani», 26, 1951, p. 262—263.

³ Nicephori Chrysobergae ad Angelos orationes tres, ed. M. Treu. Breslau, 1892 (далее — Речи). Перевод речи к Алексею IV см. Ch. M. Brand. A Byzantine Plan for the Fourth Crusade. — «Speculum», 43, 1968, p. 465—472.

⁴ См. И. Дуйчев. Проучвания върху българското средновековие. София, 1945, стр. 91—110.

⁵ См. обзор: R. Brownig. The Patriarchal School at Constantinople in the XIIth Century. — Byz., XXXII, 1962, p. 184 f.

⁶ Соответствующие отрывки изданы: P. Wirth. Die Wahl des Patriarchen Nikeas II. Muntanes von Konstantinopel. — «Oriens Christianus», 46, 1962, S. 124—126.

⁷ В. Н. Бенешевич. Описание греческих рукописей монастыря св. Екатерины на Синае, т. 1. СПб., 1911, стр. — 290.9 (V. Grumel. Les registres des actes du patriarchat de Constantinople, f. III. Paris, 1947, № 1125). См. S. G. Mercati. Op. cit., p. 255.

Хрисоверг принадлежал к служилой знати⁸⁻⁹. Карьера его началась в правление Исаака II Ангела (1185—1195), фаворитом которого был Константин Месопотамит: обращаясь к Месопотамиту, Хрисоверг заявлял, что из-за собственного ничтожества он не мог рассчитывать на счастливую судьбу, но благодетель (Месопотамит) призвал его по имени, вручил ему грамоту своих благодеяний и царской мерой наградил его (Э, л. 284 об.; В, л. 261 об.). В эту пору Хрисовергу приходилось бывать во дворце, где он мог видеть своего благодетеля (Э, л. 285; В, л. 262). Поскольку в речи постоянно подчеркивается молодость Месопотамита (Э, л. 284; В, л. 261; Э, л. 285; В, л. 262), поскольку в ней не упомянуто ни назначение Месопотамита солунским митрополитом, имевшее место в 1196/97 г.¹⁰, ни даже его посольство в Геную, которое Ф. Дэльгер датирует временем между декабрем 1188 и апрелем 1192 г.¹¹, естественно отнести эту речь примерно к тому же времени, что и энкомий Мундану.

Речи к Никите Мундану и Константину Месопотамиту относятся, вероятнее всего, к началу правления Исаака II. Другие сочинения были написаны в более поздний период. Три из них датированы в самом надписании: II речь Алексею III Ангелу была произнесена в четверг, вскоре после праздника св. светов крещения, 6710 г. (Речи, стр. 13. 1—4), т. е. скорее всего 10 января 1202 г.¹². Тем же 6710 г. датируется и речь к патриарху Иоанну X Каматиру¹³. Речь Алексею IV Ангелу была прочитана в январе 6712 (1204 г.) (Речи, стр. 24. 1—6).

Более сложен вопрос о времени написания I речи Алексею III. В ее титуле сказано, что речь была прочитана на праздник воздвижения честного креста вскоре после подавления мятежа Иоанна Комнина Толстого (Речи, стр. 1. 1—8). О мятеже как о недавнем событии говорится и в самом тексте (Речи, стр. 5. 15). Как показал А. Гейзенберг, мятеж произошел 31 июля 1201 г.¹⁴, и, видимо, речь Хрисоверга должна быть отнесена к 14 сентября 1201 г.

Случайно ли разделение риторического наследия Хрисоверга на две четкие группы, отграниченные значительным временным интервалом (речи 80-х годов XII в. и речи 1201—1204 гг.)? Или это разделение отражает какие-то изгибы карьеры оратора?

Хрисоверг занимал пост магистра раторов: этот титул присвоен ему в надписании прогимнаси¹⁵. II речь Алексею III произносилась, как уже было сказано, вскоре после крещения, и в самом тексте речи мы встречаем намек на крещение Христа в Иордане (Речи, стр. 23. 14); выступать на крещение перед императором было правом и обязанностью

⁸⁻⁹ Сведения о Хрисовергах XI—XII вв. собраны М. Той (Речи, стр. 38). Ср. дополнения: L. P e t i t. Le monastère de Notre Dame de Pitié. — ИРАЙК, VI, 1900, стр. 37.16; N. V e i s. Λέων-Μανουήλ Μακρός. Καλοσητήρης Χρυσοβέργης. — ΕΕΒΣ, 2, 1925, р. 143, n. 1; V. L a u r e n t. Le corpus des sceaux de l'Empire byzantin, t. V. Paris, 1963—1965, №№ 101, 1521—1524. В первой половине XI в. известен Хрисоверг, судья Мелитины. См. M i c h a l l e S y r i a n. Chronique, v. III, 2. Paris, 1906, p. 140. Все они по преимуществу чиновники и духовные лица. Никифор был племянником Феодора (Феодосия) Галена, митрополита Сардского; сохранились две эпитафии, написанные им для дяди (S. G. M e r c a t i. Op. cit., №№ 1—2).

¹⁰ G. S t a d t m ü l l e r. Michael Choniates, Metropolit von Athen. Roma, 1934, S. 251; V. L a u r e n t. La succession épiscopale de la métropole de Thessalonique dans la première moitié du XIIIe siècle. — ВЗ, 56, 1963, p. 286.

¹¹ F. D ö l g e r. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches, T. 2. München — Berlin, 1925, № 1583.

¹² О дате см. И. Д у й ч е в. Указ. соч., стр. 91, бел. 3.

¹³ В надписании (В, л. 246) речь датирована V индиктом 6710 г. (год и индикт совпадают).

¹⁴ A. H e i s e n b e r g. Nikolaos Mesarites. Die Palastrevolution des Johannes Komnenos. Würzburg, 1907 (далее — Мятеж), S. 50—52.

¹⁵ F. W i d m a n n. Op. cit., S. 15.

магистра риторов. В надписании 1 речи Алексею III Хрисоверг назван ритором (Речи, стр. 1. 1), а в лемме речи Алексею IV говорится, что она была прочитана «по обычаю риторов» в праздник богоявления (крещения) (Речи, стр. 24. 3). Наконец, речь к патриарху Иоанну X названа «риторической». В период после 1201 г. Хрисоверг несомненно занимал пост магистра риторов.

Р. Браунинг предположил, что Хрисоверг стал магистром риторов уже в патриаршество Никиты Мундана, однако это предположение нельзя считать достаточно обоснованным. Действительно, в ранних произведениях Хрисоверга нет никаких следов того, что их автор занимал этот пост. Энкомий Мундану назван в титуле *λόγος ἐγκωμιαστικός* (Э, л. 23), а речь к Месопотамиту — *λόγος προσφωνητικός ἢ καὶ εὐχαριστήριος* (В, л. 260 об.) или *λόγος ἐξιτήριοс* (Э, л. 283 об.); автор в титуле речи к Месопотамиту именуется, согласно Э, не магистром риторов, а учителем, *διδάσκαλος*. (Впрочем, известная подвижность византийской терминологии не позволяет усматривать в этом факте решающего аргумента).

Более существенно то обстоятельство, что пост магистра риторов в 90-е годы занимало другое лицо — Георгий Торник. Следовательно, приняв гипотезу Браунинга, мы должны были бы допустить, что Хрисоверг был магистром риторов дважды, с перерывом. Впрочем, подобные случаи бывали: на прежнюю должность после большого перерыва был возвращен Иоанн Месарит, брат Николая (см. ниже), по-видимому, так же сложилась и карьера Григория Антиоха.

Браунинг, противореча сам себе, предположил, что при патриархе Никите Мундане магистром риторов был Василий Педиадит, малоизвестный писатель, чьи сочинения в большинстве своем остаются неизданными¹⁶. Если бы это было так, мы вряд ли могли предположить, что в то же самое время тот же самый пост занимал и Хрисоверг. Однако жизненный путь Педиадита известен плохо. Мы знаем, что ему принадлежат энкомий патриарху Харитону (1178—1179)¹⁷, речь к патриарху Никите Мундану и речь к неназванному патриарху; две последние включены в Э. Так как анонимный патриарх несколько неожиданно характеризуется Педиадитом как *βασιλικώτατος* (Э, л. 275, стк. 28), его имя, вероятнее всего — Василий и речь, возможно, адресована Василию II Каматиру (1183—1186). Его деятельность приходится, следовательно, на конец 70-х и 80-е годы XII в.

Педиадит вел бродячую жизнь, мечтал устроиться на прочное место (Э, л. 376 об., стк. 2—7). Позднее он вспоминал о своей бедности, худшей, чем изгнание¹⁸. Неназванный патриарх публично обещал ему секретарское место (Э, л. 275 об., стк. 8—9), но когда пришла патриаршая грамота (*γραμμᾶτιον*) (Э, л. 275 об., стк. 19), оказалось, что Педиадит должен служить без всякого ситиресия (Э, л. 276, стк. 11—12; ср. л. 277, стк. 9). При патриархе Никите Мундане брат Педиадита получил солидную должность, сам же он оказался обойденным (Э, л. 376, стк. 7—12). Позже он стал митрополитом керкирским и умер около 1219 г.¹⁹

Предложенное Браунингом отождествление его с Василием *ὁ Ἀγιοπάων*, учителем грамматической школы апостола Павла, позднее ставшим митрополитом керкирским, кажется мне проблематичным. Василий был лишен диаконского сана 24 января 1168 г. за какие-то стихи,

¹⁶ R. Brown. Op. cit.— Вуз., XXXIII, 1963, p. 20—22.

¹⁷ Содержится, по сообщению Браунинга (R. Brown. Op. cit., p. 21, n. 1), в венецианской рукописи (Marciana XI, 31, л. 291—291 об.).

¹⁸ S. Lambros. Керкирская ἀνέκδοτα. Athenai, 1882, p. 49. 19—23.

¹⁹ См. о нем: D. M. Nicol. The Despotate of Epiros. Oxford, 1957, p. 77—85. Д. Найкл относит его поставление в митрополиты к 1204 г., Браунинг (с большим основанием) датирует это событие не позднее 1202 г.

содержавшие нечестивые утверждения, а затем восстановлен²⁰, — но ни в одной из речей Педиадита нет и намек ни на диаконский сан автора, ни на низложение.

Во всяком случае из этих речей не следует, что их автор — магистр риториков. Обе речи из Э (энкомий Харитону мне недоступен) — не официальные славословия, а личные прошения. Вряд ли можно думать, что в официальной речи в Лазареву субботу магистр риториков стал бы жалобно плакаться на свою судьбу и просить об «откормленном ситиресии» (Э, л. 376, стк. 11—12). Скорее всего, Педиадит не был магистром риториков.

В письме епископу Димитриады Хрисоверг говорил о кратковременности своего процветания и о том, что после недолгого пребывания на виду он снова скрылся и живет в надежде на бога, который превращает его недостаток в изобилие и слабость в силу (В, л. 263, стк. 15—19). Причины этой опалы неясны, хотя намек на них содержится в словах Хрисоверга о том, что он не стремился к продвижению и не уподоблялся кочующим животным, когда речь шла о церковных должностях (В, л. 262 об., стк. 31 — л. 263, стк. 1). Не значит ли это, что Хрисоверг отказался от епископского поста в провинции, которым обычно завершалась риторическая карьера в Константинополе? По его словам, он оказался на нижних ступенях иерархической лестницы, хотя и считал, что, подобно дочерям Салпаада (Числ., 27, 7), и он должен иметь свою долю «среди сынов Израиля» (В, л. 263, стк. 4—10).

Письмо димитриадскому епископу отправлено из Константинополя (В, л. 262 об., стк. 17). Возможно, что оно относится к периоду между первой и второй группой речей Хрисоверга. Во всяком случае, около 1204 г. Хрисоверг сменил своего дядю на посту сардского митрополита — и письмо в Димитриаду уже не могло быть написано в это время.

Таким образом, известные нам вехи жизненного пути Хрисоверга рисуются с некоторой гипотетичностью следующим образом:

около 1186 г. — возвышение по милости Константина Месопотамита, должность дидаскала (?); речи к Месопотамиту и Мундану; 90-е годы XII в. — опала; письмо епископу Димитриады; 1201—1204 гг. — магистр риториков; речи к Алексею III, Алексею IV и Иоанну X Каматиру; прогимназмы (?); около 1204 г. — митрополит сардский; возможно, митрополит сардский Никифор, подписавший синодальную грамоту 1213 г.²¹, тождествен Никифору Хрисовергу.

Если Хрисоверг действительно умер после 1213 г., предположение, что он был еще молод в 1186 г., оказывается вполне правдоподобным.

Общественно-политические воззрения Хрисоверга в общем и целом соответствуют традиционной идеологии византийской служилой знати с характерным для нее культом императорской власти. Типичное византийское клише, объявляющее императора солнцем, постоянно встречается у Хрисоверга. Византийский государь выше Цезаря, ибо тот после победы у Понта написал: «Пришел, увидел, победил», — тогда как Алексей III, не придя и даже не увидев мятежника (Иоанна Толстого), одним только своим приказом одержал победу (Речи, стр. 918—23. Тот же образ Хрисоверг применяет и в похвале Алексею IV: Речи, стр. 26. 12—20). Восхвалять императора надо непрестанно: ущемлением императорского достоинства, заявляет оратор, было бы превозносить патриарха и пройти ми-

²⁰ В. Н. Бенешевич. Описание..., 1, стр. 280. См. V. Grumel. Les registes..., № 1077. Текст синодального постановления (Sinait. 1117, f. 299—299 v.) не издан; надписание, где Василий назван *ἡγεμόντος Κορκύρας* — позднее.

²¹ А. Павлов. Синодальная грамота 1213 года о браке греческого императора с дочерью армянского князя. — ВВ, IV, 1897, стр. 166.4. Ср. R. Brown in G. Op. cit., p. 185.

мо государя с сомкнутыми устами (*В*, л. 246 об., стк. 17—19. Ср. л. 246, стк. 19—20, л. 246 об., стк. 25—26).

Принципы императорской деятельности очерчены весьма абстрактно: это милосердие и мужество — два противостоящих друг другу блага, которыми государь, словно двумя руками, поддерживает империю ромеев (*Речи*, стр. 29. 24—27). О мужестве и мягкости как основных свойствах самодержца Хрисоверг говорит и в другой речи (*В*, л. 246 об., стк. 1). Из императорских добродетелей он охотно прославляет щедрость: обоюдоострый меч государя не приносит ему тех успехов, как пурпур жалованных грамот, запросто уничтожающий позорную бедность (*Речи*, стр. 30. 15—22).

Император для Хрисоверга — источник всякой власти. В речи к Месопотамиту он прямо провозглашает, что только рука самодержца придает человеку значительность. Он сравнивает достойного человека, не находящегося на царской службе, с драгоценным камнем, скрытым от взоров — это потаенное благо, не ставшее явным блистание, вещь, устремленная сама на себя. Лишь поднятый и вправленный в царский венец камень становится видным издали (*Э*, л. 284; *В*, л. 261). Соответственно — верность императору объявляется высшей добродетелью подданного, Хрисоверг подробно рассуждает об этой доблести: она не должна быть лишь наружной верностью слуги, затрагивающей только телесные функции, но оставляющей безразличной душу (*Э*, л. 284 об.; *В*, л. 261 об.); верность должна стать внутренним и высшим свойством, подобным любви, которую испытывает господь или боголюбивый император (*Э*, л. 284 об.; *В*, л. 262).

Византийский господствующий класс на рубеже XII—XIII вв. пытался приспособить к своим потребностям западное учение о *fides*, вассальной верности. Традиционное право на переворот, на узурпацию стало казаться обременительным, и современник Хрисоверга, Никита Хониат, с горечью писал о ромеях, постоянно злоумышляющих против своих государей, тогда как латиняне сохраняют верность даже попавшему в плен королю (*Nic. Chon.*, р. 847. 8—14. Ср. еще р. 305. 1—4; р. 746. 12—13). Кекавмен в XI в. советовал сохранять верность императору, ибо правящий в Константинополе побеждает бунтовщиков²²; верность Кекавмена была той наружной, «телесной» верностью слуги, которая для Хрисоверга уже оказывалась недостаточной — между государем и подданным, полагал он, должны установиться интимные религиозно-мистические отношения, основанные на внутреннем чувстве.

Наряду с позитивными понятиями «самодержавие», «царская власть» Хрисоверг использует и негативное понятие «тирания». Но в отличие от античной традиции тирания у Хрисоверга — не выродившаяся царская власть (*Arist. Polit.* III, 5. 4), а незаконная власть узурпатора: в противоположность Алексею III, василевсу, Иоанн Комнин — тиран, а его мятеж — тираническая затея (*Речи*, стр. 1. 20—22). В соответствии с византийским пониманием тирании Хрисоверг переосмысляет роль «тираноубийц» Гармодия и Аристогитона: обращаясь к военачальнику Алексея III, подавившему мятеж Иоанна Комнина, он восклицает: «И ты удостоишься славы Гармодия и Аристогитона, которые собственноручно подавили тираническую затею и были почтены и возвеличены тем, что им воздвигли общественные изображения» (*Речи*, стр. 4. 26—29). Под пером византийского риторика царевубийцы превращаются в подавителей мятежа!

Этой политической концепции соответствуют и социальные воззрения Хрисоверга. Он не закрывает глаза на то, что судьба протягивает людям разные или, как он говорит, «неравные» руки: одним десницу со щедрыми дарами, другим шуйцу с ничтожными подарками, а то и вовсе пустую (*В*, л. 249 об., стк. 20—24). Простонародье не вызывает его сочувствия:

²² W. Wassiljewsky, V. Jernstedt. *Cesaumeni Strategicon*. — Зап. истор.-филол. фак. СПб. унив., 38, 1896, стр. 73.26—28; 74.2—3.

«Откуда возьмется разум у толпы?» — с пренебрежением спрашивает Хрисоверг (Речи, стр. 8. 17—18).

Но неравенство положения не превращается у Хрисоверга в неравенство состояния. В речи Месопотамиту он заявляет: перед лицом власти — все равны, и сама власть с равным милосердием взирает на окружающее ее кольцо подданных — и на высоких, и на униженных (Э, л. 284—284 об.; В, л. 261 об.), подобно тому как солнце в равной мере светит для дурных и хороших (традиционный патристический образ), и представитель власти одинаково относится к малым и большим (Э, л. 284 об.; В, л. 261 об.). В одной из прогимнасм Хрисоверг перерабатывает Эзопову басню о масле и тростнике. Тростник обвинял ее в упрямстве, в нежелании сгибаться и уступать обстоятельствам, она же гордилась своей силой и презирала гибкий тростник, избегавший противодействия. Но подул ветер, и тростник, тотчас же подчинившийся силе, остался цел — маслина же, не сгибавшаяся перед вихрем, вскоре была сокрушена²³. В византийских условиях старый сюжет приобретает особый смысл, оправдывая всеобщий гнет и безусловное подчинение властям, византийское равенство бесправия.

Соответственно с этим знатность понимается Хрисовергом как близость к престолу. Он много говорит о родовитости патриарха Иоанна X Каматира, но эта родовитость состояла прежде всего в том, что родня Иоанна была «золотой опорой наших царей» (В, л. 247, стк. 12—13).

Воинский блеск не соблазняет Хрисоверга — в отличие от Продрома или Евстафия Солунского. Конечно, он говорит об императорских походах и победах, но описания битв — избегает. «Сразу же города и крепости и вообще все те, кого Иоанн Спиридонали ложью привлек на свою сторону, признали тебя [Алексея III] василевсом — не только из-за пурпурных твоих сапог, но и потому, что этот обманщик народов не выстоял перед твоим лицом» (Речи, стр. 18. 20—24). Не оружие, а символика императорской власти (так кажется Хрисовергу) сулит государю победу. Прославляя Алексея IV — равного Александру (Речи, стр. 24. 20—21), Хрисоверг восхищается тем, что государь, пренебрегая поварами и прислужниками трапез, отдавал свое время гимнастическим упражнениям и охотничьим трудам (Речи, стр. 31. 22—24). Он молчит о воинских упражнениях, как молчит о них в речи, прославляющей юного Константина Месопотамита. Если оружие и упоминается Хрисовергом, то, как правило, в переносном смысле: «доспехи света», «меч духа» служили патриарху Мундану, чтобы поразить иноплеменников (Э, л. 25, стк. 33—35); патриарх Иоанн X направляет против варваров «губительное копьё» своего языка и своей руки (В, л. 252, стк. 2—4): имеются в виду его письма папе Иннокентию III²⁴.

По-видимому, идеалы военной аристократии, окружавшей некогда престол Комнинов, были чужды Хрисовергу. Не военная аристократия, а приближенные императора — истинная знать в представлении этого ратора. Но в отличие от служилой знати X—XI вв. придворные XII в. конституировались в особую касту, образовали свои фамилии и с неудовольствием взирали на выскочек, которые в предшествующие столетия составляли нормальный элемент господствующего класса империи.

Отношение Хрисоверга к выскочкам негативно и в сущности совпадает с продромовским, хотя и продиктовано другими общественными интересами. Правда, он одобряет «чудесное» избрание Мундана в патриархи, уклавший на избранника жетон называет «книгой божьих повелений» (Э,

²³ F. W i d m a n n. Op. cit., S. 16. 26—40. Как подчеркивает Ф. Видман (ibid., S. 247), в этой прогимнасме — в отличие от басни о старике и смерти — Хрисоверг сильно отошел от Эзоповского оригинала; в частности, он говорит о споре тростника и маслины, тогда как у Эзопа тростник молча выслушивал упреки гордого дерева.

²⁴ Письма эти, хранящиеся в Парижской рукописи 1302, лл. 270 об.—275, еще не изданы. См. V. G r u m e l. Les registes..., № 1194, и № 1196. Они датируются соответственно февралем 1199 и весной 1200 г.

л. 25, стк. 20—21), а самого Мундана — «иерархом по божьему жребию» (Э, л. 25, стк. 28), но вместе с тем всячески подчеркивает, что идеал — это постепенное продвижение по служебной лестнице. Недавно, говорит он об Иоанне X, патриарх стал знаменитым, но пользовался славой уже из-за родительского процветания и изначального величия; не только патриаршество сделало его ныне блистающим в церкви, не внезапно вознесся он, подобно тем, кто из темных людей как-то становится заметным и из неизвестных поднимается к известности. Нет, Иоанн прежде занимал различные церковные должности, пользовался привилегиями и только после того достиг венца иерархии (В, л. 249, стк. 18—25). «Он прошел все ступени», — повторяет Хрисоверг чуть ниже (В, л. 249 об., стк. 5).

Соответственно синклит пользуется уважением Хрисоверга, ритор называет его «первым великим сообществом» (В, л. 249 об., стк. 7).

Этические принципы Хрисоверга почти не нашли отражения в его творчестве и судить о них трудно, хотя в некоторых случаях можно заметить близость его воззрений к моральной системе Симеона Богослова. Так, подобно Симеону, Хрисоверг одобряет разрыв семейных связей избранными: его герой Никита Мундан пренебрегает родством и презирает близость к отцу; порывая с семьей, он отдается целиком служению в храме св. Софии (Э, л. 24, стк. 21—23). Но в отличие от Симеона Хрисоверг не осуждает дружеских связей и надеется получить животворящие цветы из сада яснейшей дружбы (В, л. 262 об., стк. 25—27).

Как и Симеон, Хрисоверг прославляет смирение и скромность. Обращаясь к Месопотамиту, он восхищается его скромностью — ведь иной человек в этом положении стал бы чваниться и, потеряв человеческий облик, одних едва достаивал взгляда, а на других и вовсе не хотел посмотреть (Э, л. 284 об., В, л. 261 об.). В соответствии с идеалом смирения Хрисоверг воспроизводит симеоновскую оценку собственного творчества: «Речь моя проста и безыскусственна», — заявляет он (Речи, стр. 23. 10—11). Все содержание полемики Иоанна X с латинянами он не может передать по двум причинам: ему не хватает времени и он не обладает софистической (т. е. ораторской) силой (В, л. 252 об., стк. 15—17).

Впрочем, прославляя кротость и правосудие (Речи, стр. 22. 29), Хрисоверг оказывается кровожадным, когда дело доходит до врагов, и с наслаждением описывает, как головы мятежников падали к копытам коней победителя (Речи, стр. 4. 24—26, 18. 1—2).

От Симеона Богослова Хрисоверга отличает уважительное отношение к человеческим знаниям, к земной мудрости. Прославляя патриарха Иоанна X, Хрисоверг не забывает отметить его глубокую осведомленность не только в высоком богословии, но и в эллинской образованности (В, л. 247, стк. 27—29), которую он противопоставляет «эллинизму» и варварству, порождаемому темнотой мысли (В, л. 250, стк. 1—4). Иоанн, по словам Хрисоверга, занимался всеми благородными науками: он начал с элементарной грамматики, изучил весь образовательный цикл и, кроме того, риторику, философию, диалектику и самые трудные из наук (В, л. 248, стк. 8—13). Симеон был чужд латинофобства — Хрисоверг, современник IV крестового похода, настроен по отношению к латинянам враждебно. Он восхваляет Иоанна X за полемику с латинянами, нечестие которых называет ересью (В, л. 251, стк. 25); порицает надменность и суетность итальянцев²⁵, выступает против стремления католического духовенства поставить во главе церкви папу, ибо истинный глава ее — Христос (В, л. 252 об., стк. 3—6).

В речи к Алексею IV итальянская проблема занимает центральное место. В 1204 г. Хрисоверг уже не решался так резко осуждать латинян, как это он делал в 1202 г. Он хочет представить их слугами императора

²⁵ См. R. Brown ing. Op. cit.— Вуз., XXXII, 1962, p. 185, n. 1.

(Речи, стр. 28.9—11), которые смогли приплыть к стенам Константинополя только благодаря водительству Алексея IV: до того дож Венеции надменно пытался пересечь Ионийское море, но корабли разбивала буря (Речи, стр. 26.24—34) — и только принесся Алексею вассальную присягу (τῷ δουλόσωνα), латиняне совершили это плавание (Речи, стр. 27. 1—2). Теперь уже морская гладь расстилалась перед судами, дельфины и киты выпрыгивали из воды, приветствуя царя; словно разумные трубачи, ветры дули с кормы, а нос обведали нежные зефиры (Речи, стр. 27. 13—19). Но Хрисоверг понимает, что слуги эти — опасны, и мечтает о том, что император-солнце рассеет своими лучами «чужеплеменный туман» (Речи, стр. 29. 20—22).

II

Наследие Николая Месарита сохранилось главным образом в двух рукописях Амброзианской библиотеки (F 96 sup. и F 93 sup.), которые первоначально составляли один сборник, переписанный в XII в.²⁶ А. Гейзенберг готовил издание корпуса сочинений Месарита, но не завершил работу: основные произведения опубликованы отдельными, нередко труднодоступными изданиями, кое-что вообще осталось неизданным. Впрочем, и то, что издано, дает материал более обильный, нежели уцелевшие речи Хрисоверга.

Главнейшие труды Николая Месарита следующие:

- 1) Описание церкви св. Апостолов в Константинополе²⁷;
- 2) Речь о подавлении мятежа Иоанна Комнина²⁸;
- 3) Эпитафия брату оратора Иоанну Месариту²⁹;
- 4) Речь о переговорах в Константинополе с кардиналом Пелагием³⁰.

Кроме того, ему принадлежит ряд писем, речей, записок, агиографические сочинения и, возможно, поэма об апостолах Петре и Павле³¹. Наконец, сохранилось несколько синодальных грамот Месарита³².

Биография Месарита известна преимущественно по его собственным трудам. Он принадлежал к служилой и образованной семье. Месариты не

²⁶ См. A. Heisenberg. *Analecta*. München, 1901, S. 19—39; E. Martini, D. Bassi. *Un codice di Niccolò Mesarita*. — «Rendiconti dell' Accad. di archeologia, lettere e belli arti di Napoli», 1903; Ae. Martini, D. Bassi. *Catalogus codicum graecorum bibliothecae Ambrosianae*, I. Mediolani, 1906, p. 405—408 (дополнения: Мятеж, стр. 6—13). О Венской филологической рукописи 107, XVI в. см. S. Lampros. *Νέος κώδιξ τοῦ Νικολάου Μεσαρίτου*. — NE, I, 1904, p. 412—415.

²⁷ A. Heisenberg. *Grabeskirche und Apostelkirche*, Bd. II. Leipzig, 1908, S. 9—96; Nikolaos Mesarites. *Description of the Church of the Holy Apostles at Constantinople*, ed. G. Downey. — «Transactions of Amer. Philos. Soc.», 47, 1957 (далее: Дауней).

²⁸ Мятеж. Немецкий перевод: F. Grabler. *Die Kreuzfahr erobern Konstantinopel*. Graz, Wien, Köln, 1958, S. 271—316.

²⁹ A. Heisenberg. *Neue Quellen zur Geschichte des Lateinischen Kaisertums und Kirchenunion* (далее — Источники), I. — SBAW, Phil. hist. Kl., 1922, № 5.

³⁰ Источники III. — SBAW, Phil.-hist. Kl., 1923, № 3; архим. Арсений. Некого митрополита Ефесского не изданное доселе произведение. М., 1893.

³¹ См. Источники II. — SBAW, Phil.-hist. Kl., 1923, № 2; еп. Арсений. *Николая Гидрунтского (Огрантского), игумена греческого монастыря в Казулах, три записки о собеседованиях греков с латинянами по поводу разности в вере и обычаях церковных*. Новгород, 1896, стр. 4 сл. (ср. А. Пападопуло-Керамевс. *Νικολός Μεσαρίτης*. — ВВ, XI, 1904, стр. 390 сл.) = Источники I, стр. 52 сл.; A. Heisenberg. *Die Modestoslegende des Mesarites*. — *Beiträge zur Geschichte des christlichen Altertums und der byzantinischen Literatur*. Bonn, Leipzig, 1922; G. Schiro. *Un poemetto bizantino inedito per gli apostoli Pietro e Paolo*. — «Atti dell' Istituto Veneto di Sc. Lett. ed. art.», 115, 1956—1957, Cl. di sc. morali e lett., p. 199. Часть писем Месарита издана: Vassileios. *Ἡμερολόγιον Ἀνατολῆς τοῦ 1886*. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1885, σελ. 175 εἰς; S. Lampros. *Op. cit.*, p. 412—415.

³² Э. Курц. Три синодальных грамоты митрополита Ефесского Николая Месарита. — ВВ, XII, 1906.

занимали высших ступеней на сановой лестнице — они принадлежали к тому среднему звену административного и церковного аппарата, которое на практике осуществляло византийскую политику.

Отец Николая Константин Месарит имел много детей; по крайней мере двое из его сыновей достигли известности; седьмым ребенком был Иоанн, а восьмым — Николай (Источники, I, стр. 22. 3—10).

На основании отрывочных данных Гейзенберг установил основные черты биографий обоих братьев. Иоанн родился в 1161/2 г., рано стал ритором, пользовался покровительством Андроника I (Источники, I, стр. 33. 12—14), а после крушения его режима покинул столицу и постригся в монахи. Только в правление Алексея III — по-видимому, уже после 1198 г.³³ — он был вновь приближен ко двору и стал ритором (учителем псалтири); Иоанн оставался на этом посту еще в 1204 г. 5 февраля 1207 г. он умер.

Николай родился немного позднее брата, вероятно, в 1163/4 г. О начале его служебной карьеры мы ничего не знаем³⁴. В 1201 г. мы застаем его на высоких церковных должностях: ὁ ἐπὶ τῶν κρῖσεων церкви св. Софии и скевофилака Фаросской богородичной церкви во дворце. После вторжения крестоносцев он остался в Константинополе и некоторое время осуществлял связь между греческим духовенством столицы и никейским двором. Вместе с братом Николаем участвовал в диспутах с латинским клиром, а после смерти Иоанна перебрался в Никею, где получил должность патриаршего референдаря, а затем стал митрополитом Эфеса и экзархом всей Азии³⁵. В 1214 г. Николай возглавлял посольство в Константинополь для переговоров с кардиналом Пелагием, но уступчивостью митрополита были недовольны никейские власти (Источники, III, стр. 47. 1—10). Год смерти Николая неизвестен.

По своим политическим симпатиям Николай Месарит весьма близок к Никифору Хрисовергу: оба они сторонники Алексея III и противники Иоанна Комнина; оба прославляют Ефросинью, жену Алексея III; подобно Хрисовергу, Месарит восхваляется патриархом Иоанном X Каматиром, причем ценит в нем то же самое достоинство — обладание как божественной, так и светской мудростью (Дауни, 48.5, стр. 918). Хрисоверг в речи, обращенной к Никите Мундану, имел все основания вспомнить о тирании Андроника I, — он этого не сделал. Месарит упоминает Андроника, называет его мрачным государем (Источники, I, стр. 33. 9), заявляет, что рука Ангелов с божьего соизволения уничтожила этого ужасного, по внешности львиноподобного царя (Источники, I, стр. 33. 23—25). Гейзенберг находил, что в словах Месарита проступает та же ненависть к Андронику, что и у остальных византийских писателей (Источники, I, стр. 6), но это неточно: и сами выражения Месарита значительно мягче (он пользуется лишь эпитетами βάρυς, δόσκολος, φοβερός), и — главное — он не скрывает расположения Андроника к Иоанну Месариту. Весьма вероятно, семья Месаритов принадлежала к окружению Андроника и пострижение Иоанна после переворота Исаака Ангела было связано именно с этим. При Исааке Месариты отошли в тень, и только воцарение Алексея III позволило им вернуть прежнее положение, как это было и с другими сторонниками Андроника, например с Григорием Антиохом.

Прямые социальные суждения Месарита скудны, но все же обнаруживают известную систему. Народ, шумная и необразованная толпа, которую он именует свинопасами, внушает Месариту страх (Дауни, 41. 3—4, стр.

³³ R. B o w n i n g. Op. cit.— Byz., XXXIII, 1963, p. 11.

³⁴ Сохранилась печать Николая Месарита, но, к сожалению, совершенно глухая, не называющая ни титула, ни должности (N. B e e s. Die Bleisiegel des Arethas von Kaisareia und des Nikolaos Mesarites von Ephesos.— BNJb, 3, 1922, S. 162).

³⁵ Он занимал этот пост в октябре 1213 г. (А. П а в л о в. Синодальная грамота 1213 г. о браке греческого императора с дочерью армянского князя.— ВВ, IV, 1897, стр. 166.2), а может быть даже в 1211 или 1212 гг. (Источники, III, стр. 61).

916). Общественным идеалом представляется ему — служить императору и записывать его речи, пользоваться уважением чиновников, синклита и священных соборов (Источники, I, стр. 27.13—19). Счастливая судьба ждет того, кто не будет обивать пороги мегистанов и брать серебро из их рук, но удостоится права питаться за царским столом и получать шелковые роскошные одеяния из казны государя (Источники, I, стр. 27. 10—12). Подобно Григорию Антиоху, Месарит отчетливо противопоставляет службу мегистанам и служение государю, и только царское служение считает достойным независимого человека. И эта общественная позиция роднит его с Хрисовергом.

Хрисоверг не проявляет интереса к воинскому делу. У Месарита мы встречаем прямое осуждение солдатчины (τὸ στρατιωτικόν). В связи с легендой о взятке воинам, поставленным у гроба Христа (Мтф. 28. 12—15), Месарит заявляет, что солдаты вообще легко поддаются подкупу (Дауни, 30. 3, стр. 911). Гейзенберг, правда, высказывает сомнение — не имеем ли мы здесь дело с традиционным школьным упражнением³⁶, однако это сомнение не подкреплено никакими параллелями и основано лишь на убежденности в несамостоятельности византийских авторов.

Монашество Месарит высоко ценит. По его словам, монахи бесплотны, чуть ли не бескровны; они бесребреники, не имеют ни сумы, ни мешка (см. Лука, 10.4), облачены во власяницы, подпоясаны кожаным поясом для умерщвления плоти (Источники, III, стр. 23. 23—27). Резко расходясь с оценкой монашества, данной Евстафием Солунским, Месарит уверяет, что «назиреи» — настоящие труженики и что среди них многие ходят за плугом, работают мотыгой, возделывают виноградники, обрабатывают кожу, занимаются кузнечным делом (Источники, III, стр. 24. 31—25.1).

Монашеский идеал сохраняет для Месарита ту же прелесть, что и для Хрисоверга. В жизнеописании своего брата Иоанна Николай не один раз подчеркивает его стремление бежать от мирской суеты и соблазнов (Источники, I, стр. 26. 10—16), пренебрежение земными радостями (Источники, I, стр. 34. 2—3), отшельнический образ жизни (Источники, I, стр. 34. 33—35.2). Нас не должны увлекать, говорит он в другом месте, ни сладость, ни красота, ни изобилие, ни наслаждения молодости — но мы расточаем богатства ради бога и даем взаймы богу (См. Притчи, 19. 17), чтобы взамен этого узреть царство небесное (Источники, III, стр. 52. 19—23).

Мистический опыт привлекает его внимание: подобно Симеону, он призывает смежить чувственные очи и отвлечь их от дурных зрелищ, раскрыть умственный взор и достичь сердечного сокрушения и слез (Источники, III, стр. 50. 22—26). И подобно Симеону, Месарит не боится обращаться к эротическим образам, говоря о божестве (Дауни, 14. 2, стр. 901). Как Симеон, Месарит ставит простоту выше сложности (Источники, III, стр. 15. 8—11) и вполне в традиционной манере говорит о собственной недостойности (Источники, I, стр. 42.12—13; III, стр. 15. 12—13; 16.34).

Итак, в социальных симпатиях Месарит близок к Хрисовергу и противостоит Евстафию Солунскому; он прославляет монашество и придворную жизнь, продолжая в общем и целом симеоновскую линию в византийской общественной мысли. Но мы уже видели, что Хрисоверг в каких-то пунктах отходит от симеоновских принципов. Этот отход становится еще более заметным у Месарита.

Симеон был связан не только с монашеством и придворным миром, но также с городскими, торгово-ремесленными кругами; может быть, в его время союз между столичной знатью и константинопольскими мастерами продолжал существовать. Напротив, Месарит — и в этом отношении он приближается к Евстафию Солунскому — восхищается натуральным хозяйством: тем, что храм св. Апостолов производит хлеб на своих полях, не

³⁶ A. Heisenberg. Grabeskirche..., II, S. 66, Anm. 1.

опасаясь ни набега иноземцев, ни морских бурь, ни враждебности пиратов, ни злокозненности моряков³⁷.

Еще больше роднит Месарита с Евстафием уважение к знаниям. Он оставил подробное описание школы при храме св. Апостолов с ее грамматическим (Дауни, 8. 1—4, стр. 899), арифметическим (Дауни, 10. 4, стр. 899), музыкальным отделением (Дауни, 9. 1—3, стр. 899), с медицинскими семинарами (Дауни, 42. 2—5, стр. 917). Восхищенно писал он о способностях своего брата к составлению схедий и писанию ямбов (Источники, I, стр. 28. 30—31), к постижению небесных светил (Источники, I, стр. 29. 1—2), к риторике (Источники, I, стр. 29. 28), к геометрии (Источники, I, стр. 32. 11). Месарит вполне гуманистичен, когда осуждает палящую педагогику в арифметической школе, — как он говорит, из-за грубости и неодоуговренности этой науки (Дауни, 10. 1—2, стр. 899).

Месарит дерзает выступить против одного из традиционнейших приемов византийской аргументации — против цитатного метода: он смеется над противниками, которые хотели запугать его, постоянно обращаясь к суждениям отцов церкви, словно к надежной крепости (Источники, III, стр. 46. 9—12), и предлагает, оставив цитаты, действовать методом умозаключений и преодоления апорий (Источники, III, стр. 27. 12—16).

Сближает с Евстафием Месарита и прославление труда (Дауни, 7. 5, стр. 899), и осуждение лицемеров, принимающих чистый облик друга, но сохраняющих в сердце зависть, клевету, гнев и мрак (Дауни, 12. 3, стр. 900). У Месарита нет той обличительной силы, которая проявляется у Евстафия, когда он нападает на лицемеров, но общая направленность роднит обоих.

Трактовка острого вопроса — об отношении к семье — у Месарита оказывается противоречивой. Он прославляет брата Иоанна почти теми же словами, какими Хрисоверг восхвалял Никиту Мундана: Иоанн не только скинул роскошное одеяние и отказался от отцовской земли, но также оставил отцовский дом и отвернулся от родных (Источники, I, стр. 34. 4—7); Месарит влагает в уста брата надменные слова в духе Симеона: господь, дескать, заповедал ему не ставить отца или мать выше бога (Источники, I, стр. 28. 21—22). Но вопреки этим принципам Месарит остался прекрасным семьянином: он не только гордится доблестями брата, но заботится о том, чтобы перенести прах матери на подобающее место — в усыпальницу, возведенную его отцом (Источники, III, стр. 26. 30—27. 5).

Не менее противоречиво и его отношение к латинянам. С одной стороны, он объявляет варваров ворами, обманщиками, грабителями (Мятеж, стр. 34. 21—22) и оправдывает священную войну против них (Мятеж, стр. 36. 34—37); с другой — он вкладывает в уста Мануилу I утверждение, будто византийцы миролюбивы и не желают носить оружие (Источники, I, стр. 25. 26—26. 4).

Месарит неоднократно участвовал в прениях с латинянами — так, он возглавлял византийских священников и диаконов во время диспута 30 августа 1206 г. с латинским патриархом Томмазо Моросини (Источники, II, стр. 15. 1—8). Как Хрисоверг, как вообще византийские теологи, он подчеркивал монархическое единство троицы, которое, по его мнению, разрушали латиняне, смешивая свойства ипостасей (Источники, III, стр. 36. 23—25); в писании, рассуждал он, нет оснований для новшества, вводимого латинянами — установления степеней отношений в троице. Представление о «вассальной» соподчиненности лиц троицы, подобно жизненному ряду: царь — полководец — воин³⁸, было Месариту с его монархизмом абсолютно

³⁷ Дауни, 4.2, стр. 898. Неодобрительное отношение к τοῖς θαλαττοπλάχτοις καὶ θαλασσοβίοις ἐνεδρευταῖς (морским бродягам) чувствуется и у Хрисоверга (В, л. 263, стр. 24—25).

³⁸ N. Festa. Niceta di Maronea e i suoi dialoghi sulla processione dello Spirito Santo. — «Bessarione», ser. 3a, v. IX, 1912, f. 119, p. 99.19—21.

чуждо. [Кстати сказать, Месарит, полемизируя с Михаилом Авторианом (человеком близким к Евстафию Солунскому), подчеркивал подлинную божественность второго лица (см. особенно Источники, III, стр. 14. 31—33), т. е. опять-таки монархизм троицы].

Но вместе с тем Месарит не принадлежал к непримиримым врагам католичества. Напротив, его описание приезда в лагинский Константинополь пронизано терпимостью. Он подчеркивает торжественность встречи, отмечает, что его переводчик (Николай Отрантский) был его давним знакомым (Источники, III, стр. 20, 24), что Пелагий обнял его и посадил на соответствующее место (Источники, III, стр. 22. 2—6). Та опала, которой Месарит подвергся после переговоров с Пелагием, по всей видимости, была вызвана его терпимостью к латинянам, противоречившей политической линии Никейской империи. Короче говоря, Месарит, не уступая в основных догматических и политических пунктах, склонен был тем не менее к созданию какого-то *modus vivendi* в отношениях с латинянами, к поискам форм содружества с ними. В этом пункте он расходился с Хрисовергом и приближался к Евстафию Солунскому.

III

Речь Никифора Хрисоверга о подавлении мятежа Иоанна Комнина — характернейшее произведение классической византийской риторики, один из отличительных признаков которой — деконкретизация объекта³⁹ с целью максимального обобщения образов и, соответственно, приближения к Идее, к сущности, скрытой за ложным многообразием чувственно воспринимаемых явлений. Действительно, Хрисоверг словно стремится освободить свой рассказ от конкретных примет времени, от индивидуальных особенностей совершившегося события — он подчиняет повествование главной мысли о торжестве блага над злом, и эта главная мысль, без конца повторяемая и иллюстрируемая параллелями из Библии и античных преданий, приобретает вневременное и внепространственное звучание⁴⁰.

Основная схема речи может быть передана следующим образом. Император должен получить награду, ибо — он тираноубийца (такой обычай существовал еще в древности). Господь наделил императора человеколюбием, государь — милосерд, но на заговорщиков обрушился гнев божий. События достойны великих писателей; в развитие этой мысли Хрисоверг вводит «изысканнейший эпизодий» (интермедию) — тяжбу между двумя аллегорическими фигурами: Красноречием (*Λόγος*) и Временем (*Χρόνος*). Красноречие выступает как истец, как обвинитель, Время исполняет роль ответчика. По словам Красноречия, некогда все процветало: Время создавало мужей Ареса и тираноубийц, Красноречие — славных раторов, которые прославляли героев. Ныне же исчезли и те и другие. В ответ Время указывает на императора, который заставил его, Время, помолодеть. Недолгий спор завершается репликой Красноречия, которое напоминает, что уже старые писатели, Ксенофонты и Фукидида, обрисовали «этого мужественного» (т. е. императора) с ног до головы, его глаза, речи, его руки, икры, лодыжки и прочее. Загадочная эта реплика еще больше подчеркивает условность времени: образ Алексея III, оказывается, уже существовал в творениях старых писателей, задолго до рождения Алексея.

³⁹ С. В. Полякова. Из истории византийской любовной прозы, в кн.: «Византийская любовная проза». М., 1965, стр. 126 сл.; G. K a r l s s o n. *Idéologie et sémiologie dans l'épistolographie byzantine*. Uppsala, 1962, p. 14 sq.

⁴⁰ Я оставляю в стороне речь Никиты Хониата к Алексею III, где большое место уделено победе над Иоанном Комниным (C. S a t h a s. *Bibliotheca graeca medii aevi*, I. Venetia, 1872, p. 87.26—89.16) Немецкий перевод — F. G r a b l e r. *Kaisertaten und Menschenschicksale im Spiegel der schönen Rede*. Graz, Wien, Köln, 1966, № 10). Ср. также речь Евфимия Торника (J. D a r r o u z è s. *Les discours d'Euthyme Tornikès*. — REB, 26, 1968, p. 66.14—70.12).

От спора Крассоречия с Временем Хрисоверг снова возвращается к императору и прославляет его — на этот раз за миролюбие, за то, что его усилиями гражданская война сменилась миром. Столь же деконкретизованные похвалы уделены и императрице (Ефросинье), от которой ритор переходит в «ипостратигу», соименному с императором (имеется в виду Алексей Палеолог), под руководством государя спасавшему город; Хрисоверг сравнивает его с Гармодием и Аристокитоном.

После нескольких слов о мягкости василевса Хрисоверг обращается к его врагам, которые очерчены столь же условными штрихами, что и Алексей III: кровожадные и коварные, они выдвигают слабого и склонного к астрологии человека. Иоанн Комнин не назван по имени (его имя встречается только в надписании речи), и склонность к астрологии — скорее не конкретная черта, но традиционное отрицательное свойство. Гораздо тщательнее, чем качества заговорщиков, обрисовано падение Иоанна: словно могучий ливанский кедр, раздутый дыханием своих сторонников, он рухнул от твоих рук, государь, рубящих лес, и от ударов обращенных против него топоров⁴¹; подобный чудищу Эмпедоклову, он погиб от твоих мечей.

Хрисоверга интересует отнюдь не естественное правдоподобие сопоставляемых объектов, а их сущностное тождество: кедр потому назван *φύσμενος*, что сам Иоанн — Толстый, раздувшийся. Тучность — единственное конкретное свойство Иоанна, которым оперирует Хрисоверг (он возвращается к тучности и далее), но сама эта тучность подается не как зримое качество, но как абстрактно-рассудочное определение, не через чувственный образ, а сквозь призму деконкретизованного сравнения⁴².

Сравнение с ливанским кедром и Эмпедокловым чудищем оказывается недостаточным. Хрисоверг присоединяет еще сравнение, столь же рассудочное, что и первые два. Он приводит античную легенду об обезьянах, которые было пытались выбрать царя, но в этот момент их окружили и изловили охотники⁴³. Все три сравнения только уводят от конкретного образа мятежа; противник лишается реальных черт. Что мы узнаем о нем? Что он был раздувшимся чудовищем, обезьяной и что он рухнул, как кедр под топором дровосека. Ничего более.

И снова Хрисоверг рассуждает о милосердии василевса, о том, что господь предал мечу одного, открыв остальным путь спасения, что он уничтожил зачинщика, но сохранил всех прочих. В эту тираду о милосердии вставлено упоминание о библейском эпизоде: об ассирийском после Рабсаке, угрожавшем Иерусалиму, и о том, как ангел господень поразил после этого ассирийское войско (IV Цар., 18. 17—19. 35). Оратор как бы хочет сказать, что зло всегда угрожало добру и что господь всегда приходил на помощь защитникам добра и благочестия. Расправа с константинопольским мятежником через библейскую параллель включается во вневременной ряд величественных побед добрых и милосердных.

Затем следует пространное рассуждение о карающем серпе — образ, входящий к библейскому пророку Захарии (5. 1—3). Возможно, что этот

⁴¹ По-видимому, в словах *ὅτι κράδαυθεῖσι κατ' ἐκείνου πελέκασιν* содержится намек на англо-варяжскую гвардию, вооруженную боевыми секраями. *Πελέκηφόροι* выступают и в рассказе Месарита как сторонники Алексея III против Иоанна Комнина; при этом Месарит называет их *εὐσεβέστεροι* (благочестивыми) (стр. 48.20). Не значит ли это, что они были православными?

⁴² Тучность в византийской монашеской литературе вообще понимается как дурное свойство (см. А. И. П а п а д о п у л - К е р а м е в с. *Noctes Petropolitanae*. СПб., 1913, стр. 2.29—30, 4.33). Тучность Иоанна обыгрывают и Никита Хониат и Евфимий Торник. Кстати, упоминание „эмпедокловых чудищ“ Торником (J. Dagrouzès. *Les discours...*, p. 68.16) разъясняет смысл этого символа: речь идет о телах без головы, причем имеется в виду смерть Иоанна, которому отсекли голову.

⁴³ Ссылки на античные легенды (*μῦθος*) встречаются и во II речи Хрисоверга к Алексею III (Речи, стр. 15.31; 16.31). Оратор использует их явным образом для политических аллюзий. Естественно предположить в этой связи, что и прогимнасы Хрисоверга таили в себе намеки, доступные современнику.

условный образ таит в себе какой-то намек: любопытно во всяком случае, что *δρέπλον Ζαχαρίου* всплывает и в рассказе Месарита (Мятеж, стр. 22. 31), где автор сравнивает с разящим серпом венец, надетый на Иоанна Комнина. По Хрисовергу, серп — в руках родни императора: опять-таки и в этих словах, воспринимаемых как абстрактно-условные, можно усмотреть аллюзию на то, что основной опорой Алексея III в подавлении мятежа были его родственники: это обстоятельство гораздо яснее подчеркнуто Месаритом (Мятеж, стр. 42. 13—14) и Никитой Хониагом (Nic. Chon., p. 698. 2).

Карающий серп, продолжает Хрисоверг, сокрушает мятежника, его деревья и камни (т. е. сторонников узурпатора) и расчлняет его природную гучность — снова намек на полногу Иоанна, прозванного Толстым. Тут же Хрисоверг говорит с осуждением, что сторонниками мятежника были легкомысленные, случайные, худородные люди с базарной площади. Опять прорывается конкретная черточка, если только мы не имеем здесь дела с традиционным стереотипом, имеющим пейоративное назначение.

Хрисоверг говорит о быстроте подавления мятежа. Не так скоро разбивается вздувшаяся морская пучина о каменный утес, рассыпаясь на капельки пены, как государь сокрушил «эту раздувшуюся плоть». В который раз обращается ритор к одной и той же черте! Он сравнивает мятеж с миражом, порождаемым туманными испарениями — и это сравнение позволяет ему перейти к традиционному образу византийской риторики, к сопоставлению императора с солнцем, разгоняющим туман. Развивая ту же мысль о быстроте подавления мятежа, ритор опять нагромождает серию сущностных сравнений — император выше Цезаря, написавшего: «Пришел, увидел, победил», ибо мятежник не продержался и дня; бунтовщик — это муха-однодневка, осел в львиной шкуре.

Опять вступает тема милосердия (после смерти бунтовщика гнев василевса улегся), всплывающая еще раз в финале, напоминая о первых фразах речи. Хрисоверг говорит здесь о двойной награде, которую несет риторика: победный дар василевсу и благодарность — его незлобивости. Снова прославив императрицу, он кончает обещанием господней награды государю за его незлобивость.

Хотя реальное содержание речи Хрисоверга ничтожно, я сознательно излагал ее с такими подробностями, которые позволяют видеть, сколь последовательно проведен в ней принцип деконкретизации повествования. Ритор меньше всего стремится описать события — он лишь извлекает существо событий и придает ему вневременной характер. Суть речи — победа солнца над мраком, милосердия над кровожадностью, государя над бунтовщиком. То, что этот государь — Алексей III, а мятежник — Иоанн Комнин, оказывается акциденцией, относительно случайным фактом.

Образы, которыми пользуется Хрисоверг, традиционны: император — солнце, императрица — золотой платан (Речи, стр. 11. 21—22). Традиционен для византийской литературы и образ корабля в бурю (стр. 4. 18—23). Условность индивидуальных характеристик перерастает в иконописность: у Алексея III ритор видит прежде всего сверкающие глаза, сквозь которые, как сквозь окошки, проглядывает золотая душа; потом описываются уста, обтачивающие слова, подобные пчелам в улье, где нет ни единого трутня-бездельника; и уже после всего этого единым дыханием перечисляются предплечья, икры, лодыжки и прочее (!), — все это словно сотворено Афиной и Аресом (стр. 3. 8—17).

Особенности классического византийского ораторского искусства обнаруживаются еще более отчетливо при сопоставлении речи Хрисоверга⁴⁴ с посвященным тому же событию сочинением Николая Месарита.

⁴⁴ Высокую оценку риторического мастерства Хрисоверга дает (хотя и мимоходом) Н. Йорга (N. J o r g a. Histoire de la vie byzantine. Bucarest, 1934, p. 52).

Различие начинается с авторской позиции. В повествовании Хрисоверга авторская личность не присутствует, индивидуальность автора растворяется, рассказ ведется от имени условного, объективизированного повествователя, высказывающего не собственное мнение, а объективное суждение, реальность которого мыслится им не меньшей (если даже не большей), чем реальность объекта повествования. Не то у Месарита. Здесь рассказчик наделен конкретными свойствами, более того — он активный участник событий и мир воспринимается таким образом сознательно-односторонне, глазами одной из замешанных в действии сторон.

Месарит сообщает, что он был в своем доме, когда до него дошла весть, будто Иоанн (Комнин) овладел престолом. В смятии он выглянул на улицу, а когда услышал о грабежах толпы, то уже не мог оставаться дома — бегом понесся он к Большому дворцу. Близ ворот Сфендоны на Ипподроме его остановили друзья и стали уговаривать не ходить: «Куда идешь! — восклицали они. — Не видишь разве убийц?» Он же отвечал, что спешит в Фаросский храм (напомню, что Месарит был скевофилаком Фаросской церкви), чтобы посмотреть, в порядке ли священная утварь.

Он пытался вступить в переговоры с самим вождем мятежа, но после бесплодных просьб кинулся к храму, возле которого застал людей, уже ломавших двери. Месарит обратился к ним с речью и (разумеется, с содействием богородицы) то уговорами, то угрозами склонил их на свою сторону. Более того, он сформировал из них отряд, готовый защищать церковь, и когда появились итальянцы и испанцы, жаждавшие пограбить церковное добро, повел против варваров «детей Ареса». Битва описана подробно, и самому автору отведена в ней почетная роль: схватив копье обеими руками, он колотил по головам врагов; он помчался короткой дорогой, чтобы опередить грабителей, уносивших храмовую утварь, и, внезапно напав на них, вынудил вернуть похищенное; он возбуждал к сопротивлению робких, которые прятались за его телом, как «Тевкры» за великим щитом, стоимостью в семь быков (аллюзия на Ил., VIII, 266).

При такой авторской позиции природа речи претерпевает метаморфозу: традиционная панегирическая задача, восхваление императора, уступает место индивидуалистическому самовосхвалению. Это не значит, разумеется, что панегирический элемент исчезает вовсе: своя доля похвал достается и «светильнику»-Алексею III (Мятеж, стр. 41. 8—9), и украшенной разумом и иными добродетелями императрице Ефросинье (стр. 41. 26—29), и Алексею Палеологу (стр. 42. 17—18). Но рассказчик становится личностью и, освобождаясь от сковывающих рамок традиционной безличности, гиперболизирует собственное значение.

Месарит рассказывает не только о том, что видел, но и о том, что слышал от других (стр. 25. 19—20); иногда он даже ссылается на источник своей информации (стр. 26. 21—22). При этом он знает, что не все им услышанное соответствует истине, но не решается критически отвергнуть подозрительное — он только просит прощения у своих читателей-судей: если он отклонится от правды, в этом вина его информаторов (стр. 25. 20—24). Итак, активный участник событий, Месарит не боится признать, что он не владеет истиной в последней инстанции, что в его рассказ может вкрасться подозрительное и противоречащее действительности: позиция, неожиданная для византийского ратора.

И субъективная задача Месарита — не наставительность, не приближение к Идее. Она сведена с небесных высот на землю с ее мелочными и бытовыми интересами. Оказывается, просто многие из знакомых обращались к нему прямо на улицах и площадях, расспрашивая о мятеже Иоанна, а горло его от напряжения того бурного дня утомилось и дыхание было стесненным, и вот он решил предать все виденное им чернилу и бумаге (стр. 19. 24—20. 10). Как неторжественно, как буднично звучит это в сравнении с величием Хрисоверга! И как проступает в этой скромной

запевке проничность Месарита, ибо, конечно, не из-за натруженного горла взялся он писать о мятеже Иоанна Комнина.

Самое описание событий — в противоположность рассказу Хрисоверга — полно конкретных деталей. Месарит повествует, как Иоанн со своими сторонниками подходит к храму св. Софии и требует, чтобы ему открыли врата; как на шум собирается разношерстная толпа и провозглашает Иоанна государем; как ищут патриарха, который прячется в маленьком домишке; как мятежники направляются к дворцу — но не прямой дорогой, подчеркивает Месарит, не мимо постов, занятых секироносцами, а через потаенные пути на Ипподроме⁴⁵. Мы узнаем о внешнеполитической программе Иоанна, о поддержке, оказанной ему работниками монетного двора, трудившимися, добавляет Месарит, день и ночь под надзором безжалостных надсмотрщиков.

С мельчайшими подробностями излагает Месарит ход коронации Иоанна: его сторонники не могли достать корону, висевшую высоко под сводами храма св. Софии, пока какой-то монах не догадался с помощью камышовой палки подтянуть вниз цепочку, поддерживавшую венец. Подробно описана оборона Фаросского храма, в которой сам автор участвовал с большой энергией, а затем и разгром мятежников. Месарит рассказывает, что в критический момент Иоанн Комнин сидел в покоях, называемых Мухрута⁴⁶, и больше всего на свете хотел спать; при появлении воинов Алексея III он спрятался в тайниках, и в темноте наткнувшись на него преследователи не узнали узурпатора. Кто-то спросил Иоанна, кто он, и тот в растерянности назвал себя. Его избили и за волосы потащили в Юстинианов триклиний; какой-то стратиот ударил его мечом — Иоанн упал; раненого, его волокли на Ипподром, и здесь глава бунтовщиков испустил дух.

Деконкретизация византийской риторики вела, в частности, к пренебрежению именами собственными, географической и топографической номенклатурой. Хрисоверг строго держится этого принципа — Месарит время от времени нарушает его. Вождь мятежа постоянно выступает под собственным именем, но не он один — поименован, например, евнух Георгий Инеот (стр. 43. 3—4; 46. 18); Алексей Палеолог назван перифрастически, но достаточно ясно: *καλαίβουου καὶ καλαχολόγου τῷ γένει* (стр. 42. 17—18). Все время указываются этнические и точные наименования храмов и частей дворца.

Иногда оратор старается представить зримый портрет того или иного персонажа: восточный монах, который посреди роскоши св. Софии хитроумно достает царский венец, представлен нищим бродягой, облаченным в рваную рубаху и овчину (стр. 22. 18—26); работники монетного двора, создатели золотого потока, растекающегося по всему миру, изображены в перепачканных плащах, тяжело дышащими, с запыленными ногами, с лицами, покрытыми сажей (стр. 25. 32—34). Уже в этих описаниях виден — столь отличный от условной манеры Хрисоверга — интерес к детализации, хотя сами подробности остаются традиционными, а манера построения образа, основанная на полярных противоположностях (роскошь — нищета), отвечает принципам классической византийской эстетики. Гораздо свободнее, раскованнее рисует Месарит главный персонаж своего повествования — Иоанна Комнина, о котором Хрисоверг постоянно повторял лишь одно: тучный.

Месарит увидел Иоанна в Юстиниановом триклинии в момент высшего подъема мятежа, и увидел его — в нарушение всех канонических византийской иконописи⁴⁷ — со спины. Он увидел черные жесткие волосы,

⁴⁵ О пути Иоанна через Ипподром к Большому дворцу (по данным Месарита) см. R. G u i l l a n d. *Études de topographie de Constantinople byzantine*, t. I. Berlin, Amsterdam, 1969, p. 479 sq. Ср., *ibid.*, p. 523 sq.

⁴⁶ Об этом здании см.: R. J a n i n. *Constantinople byzantine*. Paris, 1964, p. 122.

⁴⁷ См. O. D e m u s. *Byzantine Mosaic Decoration*. London, 1947, p. 8.

жирные плечи, раздувшийся мясистый затылок — бесплодное бремя на царском троне (стр. 27. 5—10). Подойдя ближе, Месарит заметил, что мятежник выглядит полумертвым, ослабевшим, неспособным отвечать на вопросы, а его голова клонится долу (стр. 28. 11—13). Месарит возвращается к облику Иоанна еще раз — в конце речи, к облику Иоанна, уже разбитого, прячущегося в Мухрута: он сидел там в венце, но не в царской одежде, сидел на полу, с шумом вдыхая воздух, обливаясь потом и обтираясь полотенцем⁴⁸ (стр. 45. 11—18). То, что у Хрисоверга обозначено только этикеткой «тучность», у Месарита приобретает ощутимую зримость, оживает в деталях.

Но может быть различие художественной манеры объясняется различием жанров? Отнюдь нет, ибо и сочинение Месарита построено как речь; оно названо *λόγος ἀφῆρηματικός* (стр. 19.1), в нем встречается обращение к слушателям: *ὦ παρόντες* (стр. 19. 7; 49. 3), оно завершается традиционной концовкой с пожеланием вечности и благополучия царствованию Алексея (стр. 49. 4—7) и содержит прямое обращение к императору (стр. 42. 8—9). Это памятник византийской риторики — но памятник весьма своеобразный!

Не только речь о мятеже Иоанна, но и другие сочинения Хрисоверга выдержаны в том же условно-абстрактном стиле, Месарит же постоянно стремится к выражению своего представления о мире через конкретные образы. Не максимальная обобщенность, отсекающая все то, что не служит Идее, выражению смысла, дидактическим целям, а приближение к миру, который сам по себе достоин внимания, прекрасен в своей разумности и многообразии.

Вернемся еще раз к Хрисовергу. Его образная система в соответствии с классическими византийскими принципами — рассудочна и лаконична. Образ не живет своей жизнью, он лишь разъясняет Идею. Когда ритор в речи к Константину Месопотамиту хочет пояснить, что лишь царь делает человека заметным, а не достоинства этого человека, он напоминает о драгоценном камне, который сам по себе — лишь «скрытое благо», и только помещенный в царской короне сверкает так, чтобы все его видели (Э, л. 284; В, л. 261). Когда Хрисоверг заявляет, что описание достоинств Иоанна Каматира крайне трудно и он первым пытается перейти этот «глубокий ров», эту «пропасть, непреодолимую для всех риторов» (В., л. 253 об., стк. 8—10), то он поясняет свою заслугу следующим сравнением⁴⁹: «Если слоны не могут перейти глубокий ров, самый значительный из них по доброй воле первым погружается в эту глубину и становится безопасным мостом для меньших». Пусть моя речь, продолжает Хрисоверг, станет мостом для вас, дети риторики; переходите по нему через ров, спешите к широким пространствам (т. е. к достоинствам) иерарха (В, л. 253 об., стк. 10—16).

Обоим образом нельзя отказать в выразительности. Их парадоксальность, сочлененная с главной мыслью не тождеством, а аналогией, прекрасно оттеняет идею. Но я веду речь не о сравнительных достоинствах, а о различии манеры. Оба образа характерны для Хрисоверга (и вместе с ним для ведущего направления византийской риторики) полным подчинением эмоциональной стороны тому, что можно назвать рассудочностью. Мысль — априорна, ясна заранее; действительность — только средство иллюстрации Идеи. Задача художника — не проникновение в мир, чтобы увидеть и осознать его, а избирание произвольных элементов мира, подчиненных дидактической задаче. Творчество Месарита построено на иных принципах.

⁴⁸ Лексически очень близок к этому образ утирающих пот апостолов в эффразе церкви св. Апостолов (Дауни, 32.10, стр. 912).

⁴⁹ Г. Диттен и И. Ирмшер обратили мое внимание на то, что этот образ книжный: он восходит к Элиану (Claudius Aelianus. Da natura animalium, VIII, 15).

Описывает ли он бороду своего брата, достигающую пупка и расширяющуюся до плечей, заостренную наподобие кипариса (Источники, I, стр. 39. 4—10); рассказывает ли о домах в Неакоме, не сложенных из камней, но сплетенных из ивняка, обмазанного глиной (Источники, II, стр. 45. 8—14); повествует ли о тягостях, которые он перенес во время путешествия из Пил в Никею (Источники, II, стр. 39. 26—40. 14); восхищается ли трапезой и винами, которыми его угощали в Константинополе (Источники, III, стр. 21. 16—24) — Месарит всегда внимателен к объекту своего рассказа. Мир, чувственно воспринимаемый, радует его теми неожиданными поворотами, в которых открываются наблюдателю вещи, и самые будничные предметы, вроде завтрака в заходистой гостинице (Источники, II, стр. 41. 7—23), оказываются достойными описания.

Свое повествование Месарит строит свободно и динамично. Рассказ о мятеже Иоанна Комнина — после недлинного вступления — сразу же вводит в суть дела: «Иоани уже находился внутри божественной, священной ограды, проникнув туда через северные ворота» (Мятеж, стр. 20. 24—26). Зато лишь в середине повествования автор обращается к слушателям с «преамбулой», напоминая им, что рассказывает он о том, что сам слышал (стр. 25. 19—20). Месарит смело нарушает ткань повествования, заявляя: «А сейчас пусть мой рассказ перенесется вслед за моими ногами в нарффик храма» (стр. 33. 11—12). И в экфразе храма св. Апостолов он постоянно ломает стену между слушателями и рассказчиком: то смеется над самим собой за то, что, описывая крещение, пустился в такую бездну, что и не знает, где пристать (Дауни, 25. 1, стр. 906); то иронически высказывает опасение перед необходимостью прервать рассказ и отпустить слушателя — как бы завтра какая-нибудь причина не помешала им вернуться (Дауни, 41.6, стр. 916). Свободное повествование с личными интонациями, с будничными описаниями создает настроение интимности, иллюзию искренности, столь далекую от нестигаемой наставительности Хрисоверга.

Уже Гейзенберг почувствовал некоторые особенности художественной манеры Месарита: он писал о склонности к юмору (Мятеж, стр. 56), об интересе к народным мотивам⁵⁰. Думаю, что сопоставление с Хрисовергом позволяет ставить проблему шире: Месарита отличают не отдельные частности, а попытка отхода от классических принципов, от основ византийской эстетики.

Но Месарит не был одиночкой в этих поисках литературного новаторства: он продолжал линию, намеченную Пселлом и Евстафием Солунским, и его современники, братья Хониаты, прокладывали тот же путь.

При этом весьма примечательно, что художественная манера Месарита коренным образом расходится с принципами Хрисоверга, несмотря на сходство их общественно-политических взглядов. Как писатель Месарит явно ближе к Евстафию Солунскому — вопреки тем социальным принципам, которые их разъединяли. На каком-то этапе форма обретает относительную самостоятельность, и старое вино начинают наливать в подновленные меха.

...Когда-то М. Трой, издавая речи Хрисоверга, писал, что этот оратор принадлежит к жалкой толпе византийских риторов, похожих друг на друга в такой степени, что, зная одного из них, можно знать всех (Речи, стр. 41). Думаю, что сопоставление Месарита и Хрисоверга во всяком случае опровергает это суждение о византийской литературе.

⁵⁰ A. Heisenberg. Die Modestoslegende..., S. 226f. Cf. N. Jorga. Op. cit., p. 53 sq. О близости стиля Месарита к Никите Хониату см. F. Grabler. Die Kreuzfahrer..., S. 268f.